

3. ПИСЬМА ИЗ ТРУДАРМИИ (1942 г.)

Густав Глейм – Элле Нихельман

Усть-Тимшер
5/V 1942.

Liebe Schwester u. Schwager!

Неоднократно я пытался установить с вами письменную связь, но все мои попытки потерпели неудачу. Поэтому я решил вам написать сегодня опять подробное письмо.

За все время моего пребывания на этом месте я еще не получил ни одного письма из дома, да еще ни от кого. Просто я другой раз не знаю, что еще делать. На это в данное время не приходится обращать внимания, поскольку такое время сейчас.

Надеюсь, что вы мои предыдущие письма получили, пишу вам сегодня еще раз обо всем и даже старое.

Что я очень счастливый человек в жизни, сама знаешь, и поэтому и на этот раз повезло мне первым уже опять расстаться со своей семьей.

Всё, что было за время моего отсутствия у меня здесь, то это в одну книгу не напишешь, поэтому я не буду писать об этом, так как это [не пойдет на] пользу ни мне, ни вам, и будем откладывать обмен впечатлений до нашей первой встречи... Но ты, милая сестра, можешь знать, что это у меня по счету уже второй «институт», который я кончаю, и это мне в жизни очень пригодится когда-нибудь... Конечно, пока это все пройдет, постареешь на 10 лет... Ты бы меня, наверное, и так сейчас не узнала бы...

Сколько у меня сейчас переживаний, представить только: дома остались родители, оба старые, с подорванным здоровьем, и тут сестра с двумя детьми маленькими – все почти не трудоспособные, но чем-то жить надо. – К тому же вы двое с Фридой находитесь где-то, и я вам помочь тоже не могу. Мы работаем за плату, но деньги получим к концу срока нашей службы, поэтому даже родителям послать нет ни единой копейки.

Я слышал, что Петр и Саша тоже теперь уехали – это было бы очень плохо для вас, особенно для Фриды. Она ведь беспомощная, и еще у нее на шее два старика! –

Время тяжелое, сестра, – держись хоть как-нибудь. Здесь главное – лишь бы голову не терять, а все остальное исправимо после. Если я вернусь, то можешь надеяться на меня – я тебя не оставлю без помощи. Элла и Петр! Если у вас есть желание, наберите смелость и откажитесь там [жить], переезжайте в Топчиху к нам, чтобы мы хоть после могли быть вместе и друг друга выручать в нужном случае. Сколько ты мне помогала во время службы в армии, и сколько ты помогала за это же время родителям, а теперь ты находишься в тяжелом положении, и я тебе помочь не могу – как это мне больно. Я бы согласился работать хоть днем и ночью, только бы получить чего-нибудь, а так ведь нельзя. Но помни: у тебя есть брат, который тебя не забудет никогда!

Элла! Ты только держись, променяй все лишнее на продукты и обеспечивай себя, пока есть на это время и возможность. Вопрос с питанием будет еще гораздо острее, чем сейчас.

Спроси папу, что он тебе советует делать. Мой совет – во что бы то ни стало переезжай к нам в Топчиху, и вместе выйдем лучше из положения!

Я все беспокоюсь, как живут родители, когда дома ничего нет и деньги остались после моего отъезда очень незначительные. Я все желаю, чтоб они хоть до приезда остались живые, а потом можно опять как-нибудь все исправить.

С приездом сюда я получил назначение заведующим электростанцией, со мной и здесь Давид Шауфлер. Работа известно какая, но во всяком случае легче, чем в лесу. Оклад 350 руб. в месяц. Питание хорошее – оно обойдется прим. в 200-250 р. Остаток этот можно было послать домой – но деньги не выдают нам на руки. –

Мы живем рядом с одной маленькой речкой, где думаю в свободное время ловить рыбу и тем самым улучшить в будущем питание. Фриц работает здесь бухгалтером – работа легкая. Короче говоря, за нас можешь не беспокоиться.

Пока оба здоровы.

Элла! Я кончаю свое письмо и надеюсь, что будешь писать тоже по возможности чаще.

У меня одна мечта, лишь бы скорее выбраться отсюда – а потом все бы пошло.

Не горюй – не падай духом и держитесь!! Возможно, скоро увидимся! (?)

Передай всем привет.

Не забудь меня, вспомни своего брата!

До скорого свидания.

Обнимаю вас и крепко целую

Густав.

Листе Клементу и Клементине!

Гейт-Мемингс
5^е №12.

Неожиданно и приятно удивившись своим
мыслям о вас, но все мои попытки написать
ударили. Поэтому я пишу вам наискромтнее
о том, что произошло.

За все время моего пребывания на этом месте
я еще не получил ни одного письма из дома, до сих
пор ни от кого. Просто я уверен, что все знает кто-то
из дома. Но это в данное время не имеет значения, а
вниманию несколько моих друзей.

Надеюсь, что вы мои друзья и знакомые все еще
живы. Вам сегодня все еще так же хорошо.

Что я очень рад и доволен, что вы все еще
здоровы и счастливы, и на этот раз поздравлю вас
первым же отрывком из своей жизни.

Все это было за время моего пребывания у вас
здесь, то есть в одну минуту не написав ни одного
я не буду писать. И теперь так же пишу и
мне и вам и буду откровенно говорить о том, что
я сейчас переживаю. Но это не имеет значения
моим друзьям, то есть у меня уже не осталось

у нас в школе институт контроля и контроля
и это мне в прошлом году придумали когда
будет... Конечно пока эти все проекты по-
старшим на 10 лет... Но да мне наверно, и так
еще не узнаю да...

Сколько у меня сейчас переживаний предать
моя - Дома все равно родители оба сидят
а подобрали Зорькину и туть сестра с двумя
детями маленькими - все равно не труднее
наши ты счита надо - К этому же в год
о кредит на кредиты идет и я вай-помогать мне
не могу. Мои родители Зорьку по дому по-
лучили в конце года наши деньги промолу
даже родители не хотят ни ни едут к тебе.

Я думаю, что Кипр и Саши тоже теперь
уехали - это даю да очень много да вы видите
да трудя - Она ведь беспомощная и еще у нее
но мне два сестры! -

Зрелище твоего сестры - держали это как
никогда - Здесь главное мне да голова и терпение
а все остальное исправимо после. Если в берну
то можете надеяться на меня - я тебе не испорчу
да поможу. Думай и Кипр! Если у Вас еще
желание и наберите смелость и отпишите мне

переселенцы в Монтану кранд тидо
мо ктис тале мале варта бмесе и дри друга
варраит в шитной аигра. Сколько тиде мит
помогало во врану аигра варити и сколько
тис помогало за тиде не врану ратимеши
и теперь тис каегиши в шитной аигра
и в тиде помощь не лею - как тиде мит валио
А за аиграши ратимеши ктис аиграши
только да ратимеши его миде, а так бере
миде. Не аиграши, у тиде ете дри, ктис
тис не забудет никого!

Дило! тис только аиграши, тиде миде
миде по продукте, и аиграши ете тиде
агра по тиде аиграши и аиграши. Вопрос с аигра-
ши дри миде аиграши миде аиграши.

Аграши. Миде тиде аиграши аиграши аиграши.
Миде аиграши - во тиде аиграши не аиграши аиграши
к аиграши в Монтану и аиграши аиграши аиграши
из аиграши!

А все аиграши как аиграши аиграши
аиграши аиграши аиграши и аиграши аиграши аиграши
аиграши аиграши аиграши аиграши. А все
аиграши аиграши аиграши аиграши аиграши аиграши

о аиграши аиграши аиграши как аиграши аиграши
аиграши.

Скучно было, а посылки не приходило.
Забываешь электростанцию со мной и здесь
наша Майфилд. Работы и здесь не так много, но
в деревне сейчас легче чем в лесу. Ушла 250 руб
в лесу. Платили за работу - она должна была
быть в 200-250 р. Осмыслил этот момент было
думал - но деньги не выдают нам на руки —
все идет в руки одного человека и
еще думал в свободное время работать и тем
самым удерживать в будущем момент.
Крупная работа здесь была только — работа
лесом: Копка дров для нас лесом не считалась,
только для дров.

Далеко! А когда все кончится и надеюсь, что будет
многого тебе по возможности cause.

Далеко огня нет, все да около вадомы
отсюда - а потом все да пошло.

Не ждите - не ждите денег, ждите!!
Возможно скоро увидим!! (?)

Передай всем привет.

Не забудь мне написать об этом брати!

До скоро увидим

Одним из Вас и крепко целую

5/1/42
Иванов

Густав Глейм – Элле Нихельман

12 июля 1942 года.

Уважаемая сестра Элла!!

Сколько мы ни стараемся получить от тебя известие, ничего у нас не выходит. Писали тебе уже неоднократно, но ответа так и получить не могли.

От папы я получил письмо 6-го июня, и он тоже про вас с Фридой ни слова не писал. Итак, я сейчас не знаю про вас ничего. Если получишь мою открытку, то пиши пожалуйста чаще и подробнее обо всем. Хотелось бы мне узнать, как ты наладила жизнь, как обеспечила себя продуктами на время отсутствия мужа.

Насколько я узнал из писем, то у родителей обстоит дело тоже неважно. Что могли сделать, то сделали с Фрицем, т.е. послали им недавно деньги, сколько могли, и они их и получили. Я очень рад, они хоть могут купить для детей немного молока или что-нибудь. Их, видимо, заставят переехать в колхозы. Я им советую поехать в свеклоколхоз. У нас все идет по-старому. Живем хорошо и работаем на прежних местах. Пиши, где сейчас Петр и Саша, как они живут. Как протекает жизнь у Фриды? Ты, Элла, советуйся с ней в письмах, а то она еще неопытная, и вообще помогите, чем можете, друг другу. Ну, пока кончаю, надеюсь получить скоро ответ.

Передай всем привет от нас!

До скорого свидания! Твой брат Густав.

Крепко целуем вас

Фриц и Густав.

Ваша великая сестра Даша!

12. Утром 1918 г.

Сколько же вы стараетесь получить,
от меня и Звезды много у вас написано
дождаться. Писали тебе уже неоднократно
но ты была так и получила не получила.
От мамы и получила писала 6го июня
и от мамы про вас с Звездой ни слова не
писала. И так и сидю не знаю про вас ни
чего, если получили мои открытки то пиши
по крайней мере. сейчас и подробней обо всем
хотелось бы вам узнать как ты пошла
дела твои, как обещала себя продук-
товать на время твоей жизни.
но сколько в ушах и писали то уродились
обещания дело мамы не забыл. Что
мне хотелось бы узнать с Звездой т.е.
после или когда же генералом по своим
делам и получены. Звезда же, от нее
лучше бы знать для семьи и много
и много быду. Не знаю Звезда ли
переехала в колхоз. Я им сейчас писал
и писала. Знаю же и себя по старому
сестре. Хорошо - рад маме на перемене
дела. Маме же еще не писала - сейчас
она там быду. Как маме себя, жизни и
дела. Но дела сейчас с ней в писала
и то она еще не получила и получила по
делам, ни маме же Звезда. Не пока
когда кадеты и пиши скоро от нас.
пердай всем и любя от нас!
но скоро увидим! твои брат Даша
Ксения Звезда вас
любя и Даша

Фридрих Дизендорф – Элле Нихельман

26/VII 42 г.

Добрый день, уважаемая Элла!

Сообщаю, что вчера мы получили от тебя письмо от 26/VI 42 г. с большой радостью, мы так редко получаем письма, от наших мы всего лишь получили 2 письма и несколько телеграмм. Мы оба пока живы и здоровы, что и тебе желаем. Элла, ты все-таки настаивай и перебирайся к Фриде, а если возможно, то переезжай к нашим, это было бы для тебя и наших самое лучшее. От наших мы подробно ничего не знаем, недавно мы получили телеграмму, тогда они были еще в Топчихе, а теперь не знаем. Очень хотелось повидать всех, детей я вспоминаю очень часто, наш Александр нам писал, что Эрика теперь уже все разговаривает, было бы интересно повидать их, но ничего не поделаешь. Нам очень жаль, что родителям по старости лет приходится так тяжело работать, конечно, если мы были бы дома, то этого не было, для Эммы тоже трудновато, ты писала, что она по ночам дома работает, этого она не писала нам. Передай привет Петру, Фриде и всем знакомым, пока всего хорошего, до скорого свидания

Ф. Дизендорф.

26/VI 422

Надпись гласит французским языком!

Собудило, что берега мои получили
 вид и вид, именно от 26/VI Ч. с большой
 радостью, мы так редко получаем
 письма, от наших мы все время получаем
 письма в письмах и несколько интересных.
 Мы оба пока здоровы и здоровы что и не
 удивительно, Дана мы все, как Настасья
 и другие, к Фриде, а если бы
 писем то переписка к нашим, это
 было бы для нас и наших. Мы все
 рады. От наших мы подробно узнали
 о жизни, недавно мы получили письмо
 от мамы, которая от нас еще в Париже,
 а теперь не знает. Дочь которая пошла
 в Париж, жила в великолепном доме, как
 в Париже, как мы знаем, что Фрида все еще
 здесь все расово обитает, Дана бы хотела
 бы видеть вас, но к сожалению не удается, Нам
 очень жаль, что родители по разным
 причинам так далеко от нас, поэтому
 конечно всем нам очень грустно. То что
 было, что Дана очень любима, и
 любима, что она во всем доме живет,
 поэтому не жалею нас, везде будет
 письмо, Фриде и всем знакомым, пока
 все хорошо, до следующего свидания,
 пока

Три приведенных письма (точнее, письмо и 2 почтовые карточки) отправлены из Усольяга НКВД СССР (Молотовская обл., Чердынский р-н, п/о Бондюг, командировка Тимшер) в г. Киселевск, Новосибирской обл. (ныне Кемеровская обл.). Авторы – мой дядя Густав Карлович Глейм и отец Фридрих Адамович Дизендорф, адресаты – тетя Элла Карловна и ее муж, Петр Карлович Нихельман (1911-1942?).

Густав, брат Эллы, окончил Маркштадтский механический техникум, учился в индустриальном институте, в 1937 – начале 1941 гг. находился на срочной службе в армии; Фридрих (Фриц) – муж Эммы, сестры Густава и Эллы, был до выселения зам. главного бухгалтера Маркштадтского з-да «Коммунист»; Фрида – сестра Густава, Эллы и Эммы; Саша (Александр Карлович Нихельман, 1913-1987) – муж Фриды и брат Петра; Александр (Александр Адамович Дизендорф) – брат Фридриха; Давид Шауфлер (р.1916) – двоюродный брат Густава по матери; родители Эммы, Эллы, Густава и Фриды – Карл Давидович Глейм и Мария Корнельевна, урожд. Шауфлер; дети Фридриха и Эммы – Эльвира (р. 1937) и Эрика (р. 1940).

Все они проживали в г. Маркштадте, АССР Немцев Поволжья, и были депортированы оттуда в сентябре 1941 г. – на ст. Топчиха, Топчихинского р-на, Алтайского края (Густав с родителями, семья моих родителей) и в с. Марьяновка, Купинского р-на, Новосибирской обл. (семьи Петра и Александра Нихельманов). Далее были мобилизованы: на строительство шахты в г. Киселевск – Петр и Элла (октябрь 1941 г.), в Усольяг – Густав и Фридрих (январь 1942 г.), в Волжлаг НКВД СССР – Петр (апрель 1942 г.), на з-д № 677 в г. Новосибирске – Фрида (январь 1943 г.). А. Нихельман, будучи мобилизован в 1942 г., бежал из трудармии от голода, был осужден, отбывал срок в Новосибирске (Кривошеково), в сентябре 1943 г. отправлен оттуда по болезни в Нарым – Новосибирская (ныне Томская) обл., Колпашевский р-н.

В Топчихе Карл Глейм работал шорником на МТС, моя мать Эмма, портниха по профессии, – в швейной мастерской (и по ночам еще шила на дому). В колхоз им оттуда переезжать не пришлось. Два старика «на шее» у тети Фриды – отец и мачеха ее мужа.

Густав, находясь в качестве «трудармейца» в Усольяге, был арестован, осужден на 10 лет, отбывал срок в штрафном лагпункте Усольяга, умер от пеллагры (т.е. голодной смертью) 05.12.1943 г. Петр находился в Волжлаге (Татарская АССР) по сентябрь 1942 г., был отправлен оттуда на север Свердловской обл., в Ивдельлаг НКВД СССР (Полуночное рудоуправление), после прибытия на место пропал без вести (по неподтвержденным данным, умер от пищевого отравления).

Элла, оставшаяся после отправки мужа в Волжлаг совсем одна, не могла последовать советам Густава и Фридриха и переселиться к близким, т.к. была мобилизована в угольную промышленность, находившуюся на военном положении. Однако в июле 1945 г. российским немцам, мобилизованным в эту отрасль, было разрешено вызывать к себе на постоянное жительство членов семьи. Воспользовавшись этим, тетя Элла в мае 1946 г. добилась переезда из Топчихи в Киселевск своих родителей и моей матери с детьми. В июне 1947 г. туда прибыл к семье из Нырблага/Усольяга и мой отец.

В. Дизендорф